

достаточно, чтобы показать, как глубоко укоренились идеи культа карго на некоторых меланезийских островах.

Книга снабжена иллюстрациями, взятыми из литературных источников, резюме на английском языке и обширной библиографией, в которой, к сожалению, допущено около двух десятков опечаток.

В целом перед нами серьезное научное исследование, важный вклад в изучение антиколониальных движений. Остается только пожелать, чтобы автор продолжил свою работу в этом направлении, дав обстоятельную характеристику и тех движений, которые в рецензируемой книге уже названы, но еще не рассмотрены во всех деталях.

М. С. Бугинова

НАРОДЫ СССР

Б. А. Калоев. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 2-е изд., исправленное и дополненное, М., 1971, 356 стр.

Рецензируемая книга представляет собою первое подробное описание этнографических особенностей осетинского народа. Автор на протяжении 20 лет скрупулезно собирал этнографический материал на территории Осетии, фиксируя информацию, получаемую от лиц старшего поколения — знатоков старого быта, и непосредственно наблюдая традиционные и новые формы культуры. Для реконструкции недавнего исторического прошлого осетин, особенно их общественного строя, изучения контактов осетинского и русского народов, влияния мусульманства на культуру осетин автор использовал также документы в многочисленных архивах.

Все стороны культуры осетин, как традиционного ее комплекса, так и принципиальных изменений, новообразований в процессе социалистического строительства описаны обстоятельно и выпукло. Автор постоянно комбинирует разные данные, добываясь полноты описания этнографических явлений и создавая ретроспективу их исторической динамики. Иногда этнографические наблюдения дополняются археологическим материалом, иногда — сведениями, полученными из исторических источников. Метод комплексной историко-этнографической реконструкции демонстрирует при этом все свои сильные стороны — историзм восстанавливаемой картины, а главное, ее достоверность, чего невозможно достигнуть, опираясь только на частные данные. Б. А. Калоев, с моей точки зрения, чрезвычайно удачно прослеживает развитие тех или иных сторон культуры и быта осетин, их социальных институтов до современности, показывая, как одни из них преобразовывались в ходе истории, а другие ушли из быта в процессе социалистического строительства.

Весьма ценную и глубоко разработанную информацию содержат главы, посвященные духовной культуре, особенно глава о дохристианских верованиях осетинского народа. Б. А. Калоев практически не имел предшественников в этой области кроме В. И. Абаева, давшего содержательный, хотя и краткий очерк дохристианских верований осетин. В рецензируемой книге обстоятельно рассмотрен пантеон всех осетинских дзуаров; автор нашел каждому из них место в историко-этнографической картине первобытных верований, выявив истоки их происхождения и связи культа каждого дзуара с аналогичными культами в верованиях других народов.

Как известно, всех исследователей этногенеза осетин можно весьма приблизительно разделить на две группы в зависимости от признания решающей роли аланского (пришлого) или кавказского (местного) компонентов в происхождении осетинского народа. Историки и большинство языковедов отдают предпочтение аланскому компоненту, антропологи и большинство археологов — кавказскому компоненту. Это противоречие находит объяснение в характере используемых данных — иранская принадлежность осетинского языка бесспорна, как бесспорна и демонстрируемая историческими источниками принадлежность алан к иранскому этническому миру. С другой стороны, — не менее бесспорны местные истоки многих особенностей осетинской народной культуры, уходящие, как убедительно показал Е. И. Крупнов, в эпоху бронзы, и исключительное сходство осетин по антропологическим признакам с центральнокавказскими народами.

Б. А. Калоев рассматривает проблему этногенеза осетин по-своему. Он не подсчитывает, каких элементов больше в культуре осетин — иранских или кавказских, а на этнографическом материале показывает сложный характер осетинской народной культуры и этим аргументирует свой вывод о сложной двухкомпонентной природе осетинского народа. Это не противоречит тезису о физическом происхождении подавляющей массы осетин от местных племен, что подтверждается всей совокупностью находящихся в нашем распоряжении материалов. Но, бесспорно, и Б. А. Калоев убедительно показал это в своей книге, что культура осетин сложилась при значительном, если не преобладающем участии иранских элементов.

Автор аргументирует свою мысль о древности земледелия у осетин данными археологии, письменных источников, фольклора. Однако все использованные им источники не уходят глубже эпохи раннего железа, в крайнем случае эпохи бронзы. Мне кажется, этот тезис получил бы дополнительное обоснование, если бы автор привлек многочисленный и строго документированный материал, содержащийся в исследованиях Н. И. Вавилова, посвященных истории культуры флоры Кавказа. Н. И. Вавилов не успел донести до конца задуманный им обобщающий труд «Земледельческий Кавказ», но в его статьях 1935—1940 гг. имеется много данных, свидетельствующих о древности кавказского земледельческого очага (в последних работах он склонен был даже выделять его в качестве первичного).

В работе довольно часто встречается выражение «аланы-осетины». Такая терминология была бы оправдана для сторонника крайней аланской гипотезы осетинского этногенеза, но кажется противоречащей основной концептуальной установке Б. А. Каляева — видеть в осетинах двухкомпонентное по происхождению население.

Я усматриваю известное противоречие также в том, что автор, с одной стороны, постоянно истолковывает нартский эпос в свете скифо-сарматско-аланских параллелей, а с другой стороны, в разделе о народном творчестве утверждает местное происхождение эпоса. Последнее утверждение, как представляется, близко соответствует действительности — иначе трудно понять существование богатого очага развития нартского эпоса, открытого в Абхазии. Но при безоговорочном принятии этого тезиса также впадаеть в противоречие — слишком велик в составе эпоса удельный вес сюжетов, находящихся в столкновении в скифо-сарматско-аланской, а бы даже сказал уже, скифо-сарматской этнографии. Видимо, нартский эпос имеет местную основу, существенно обогащенную за счет иранских эпических мотивов, что свидетельствует о его сложном происхождении.

Наконец, последнее. Автор рассматривает некоторые элементы пищи (*аулибых*) и одежды (*бурку*) как наследие иранского мира, видит в распространении сулгуни в западной Грузии проявление иранского этнического компонента. Что касается последнего, то нельзя ли видеть в нем сравнительно позднее заимствование? Ведь никаких других следов иранского наследия в западной Грузии, насколько мне известно, пока не открыто. Бурка, действительно, напоминает накидки скифов и сармат. Но такие накидки широко распространены у всех народов, пользующихся верховой лошастью, тогда бурку можно сопоставлять, например, с мексиканским серапе. Доказательств же изготовления именно буроков скифами и сарматами как будто нет. Бурка распространена у всех народов Кавказа, даже у тех, которые заведомо не испытывали скифского или сарматского влияния, а за пределами Кавказа не встречается. То же можно повторить и про аулибых — чем отличается он от грузинского и аджарского хачапури и почему его нужно рассматривать именно как результат иранского влияния? У меня возникло сомнение и в правомерности выведения института атальчества из аланского мира; эту мысль автор обосновывает, также ссылаясь на нартский эпос. Необъясненной в этом случае остается тюркская терминология, связанная с атальчеством.

Отдельные замечания не снижают общей оценки рецензируемой книги как значительного этапа в изучении осетин и крупного вклада в этнографическую литературу по народам СССР вообще.

В. П. Алексеев

В. А. Маланчук. Етнографічна діяльність В. Ю. Охримовича. Київ, 1972, 138 стр.

В. Ю. Охримович был, говоря словами великого украинского писателя Ивана Франко, собирателем-систематизатором. Его исследования и сегодня не утратили своего значения. К ним обращаются не только историки этнографической науки, но и авторы конкретных этнографических исследований. Однако до сих пор мы не имели работы, которая давала бы целостную характеристику наследия ученого. Этот пробел ныне восполнен небольшой, но глубокой монографией В. А. Маланчук.

Содержание рецензируемой работы шире ее заглавия, так как в своих исследованиях В. Ю. Охримович освещал и вопросы фольклористики, лингвистики, истории и социологии.

В. А. Маланчук показывает, что формирование научной концепции В. Ю. Охримовича связано с новым этапом в развитии украинской этнографической мысли; именно в этот период развернулась деятельность И. Франко, В. Гнатюка, В. Навроцкого. Наиболее сильное влияние на В. Ю. Охримовича оказали работы И. Франко.

В рецензируемой книге показано место исследований В. Ю. Охримовича в истории этнографической науки. В. А. Маланчук привлекает для сопоставления большой материал, который по существу показывает перспективность типологического изучения этнографических проблем. Приведенные факты позволяют, например, сделать вывод о необходимости типологического изучения тех или иных обычаев и обрядов в рамках славянского региона. Некоторые данные В. Ю. Охримовича могут быть сопоставлены с записями, например, сербских и болгарских фольклористов. Это относится и к наблюдениям о «большой семье», и к описанию свадебного обряда, и некоторым другим вопросам.